ИЗ ПЕРВЫХ РУК

На Тенгизе – турки, в Актобе – китайцы

Адилхан КАЛДЫБАЕВ: «Для китайских работодателей мы – люди третьего сорта»

Беспрецедентным называют в Актюбинске иск профсоюза ТОО «Дочерняя организация китайской нефтяной инженерно-строительной группы» к актюбинскому филиалу своих «китайских хозяев». Цель его: через суд принудить иностранцев выполнять коллективный договор. Что толкнуло рабочих на этот шаг? Стал ли этот иск результатом давно задуманных планов? Или профсоюзники решили «поймать волну» народного негодования в Карагандинской и Атырауской областях?

Татьяна ТРУБАЧЕВА

«Если государство и дальше будет играть в такие игры, может разгореться большой пожар», – предупреждает председатель профсоюза актюбинских рабочих.

На эти и другие вопросы отвечает нашему изданию председатель профкома ТОО «ДО КНИСГ» Адилхан КАЛДЫБАЕВ.

Адилхан Темирханович, что заставило вас подать иск в суд? События в Шахтинске повлияли на это?

- В Шахтинске? Нет, они от нас далеко, нам больше понятны проблемы на Тенгизе. Однако мы подали в суд до печально знаменитой пятницы в Атырауской области, еще 7 сентября. Само решение возникло в начале лета. Но мы никак не могли найти адвоката, который бы согласился составить для нас заявление. Все, к кому мы обращались, говорили, что затеваем бесполезное дело, что китайцы уже везде всех закормили. Но что интересно – как только мы подали в суд, все стали предлагать свои услуги даже бесплатно.

Почувствуйте разницу!

И все-таки, почему вы обратились в суд?

- Потому что работодатели не выполняют условия коллективного договора. Я могу вам все по пунктам разложить. Допустим, в Законе «О труде» сказано, что вахтовым методом рабочие не могут работать более 15 дней. В исключительных случаях вахту можно увеличить, но это обязательно нужно согласовать с представителями рабочих. Нашего согласия никто и не спрашивал, однако вахту сделали на 4 дня дольше. По этому поводу есть коллективное письмо рабочих, письмо от нас, но реакции от руководства никакой нет.

Следующий пункт 2.2.8 коллективного договора. В нем говорится, что согласно статье 26 Закона «О труде» необходимо согласовывать с профкомом расторжение индивидуального трудового договора по инициативе работодателя. Но с нами ни разу не согласовывали увольнение работников.

Пункт 3.1.2 гласит, что за совмещение работы должна производиться доплата в размере от 30 до 70% от должностного оклада соответствующего работника. Скажем, у нас на месторождении работает сварщик. Нет работы по сварке – его посылают на другие участки, он может и за грузчика работать, и за бетонщика. Монтажники могут работать стропальщиками. Стропальщиков, бывает, направляют на монтажные работы, даже если у них нет специального допуска. Как говорят китайцы: «Не хочешь работать – у тебя проблемы, иди домой». Приходится работать там, где скажут.

Так совмещение оплачивают?

- Нет, все делается без доплаты.

Пойдем дальше. В пункте 3.1.4 написано, что в случаях вынужденных простоев не по вине работника работодатели должны производить доплату в размере 2/3 от заработной платы. Но эти условия выполняют ненадлежащим образом. Например, оплачивают 50% от оклада. Если оклад 15 тысяч, то со всеми выплатами зарплата составляет около 30 тысяч тенге. Почувствуйте разницу: 70% от заработной платы и 70% от оклада. Понимаете, сколько нам не доплачивают?

В том же договоре говорится, что ежегодно за счет компании должен проводиться медицинский осмотр работников. Буквально на днях, после того как мы подали иск, в экстренном порядке был заключен договор с железнодорожной больницей на прохождение работниками медосмотра.

Согласно пункту 6.1.2 работодатели должны производить доставку вахтовиков служебным автотранспортом по утвержденному маршруту. У нас работают вахтовики со всей страны. Но автобус до месторождения ездит только из Актобе и Кандагача. Другие добираются как могут.

Им хотя бы компенсируют проезд?

- Этих данных у меня нет. Но главное здесь, что не доставляют до места, как того требует договор. По этому поводу есть коллективное заявление, есть мое письмо с выделении транспорта, но реакции руководства ТОО опять-таки нет.

Еще такая проблема. В 3-4 километрах от Жанажола, где мы и работаем, расположены небольшие поселки, местные жители работают на месторождении не вахтовым методом, а по 8 часов. Им транспорт тоже не предоставляют, и они ходят пешком. Выходит он из дома часов в 6-7, так как в 8 уже должен быть на работе, в 17.00 рабочий день у него заканчивается – и он опять пешком идет домой. Пока дошел, уже ночь, перекусил, поспал и опять на работу. И на месторождении у него тоже никаких условий. Обеденный перерыв длится полтора часа. Вахтовик после того, как поел, идет в общежитие отдыхать, а этот слоняется по территории.

Столовая у них есть?

- Столовая есть, но вопрос – какая. Ни кондиционеров, ни вытяжек, крыша протекает, после дождя лужи посреди зала. Кухня от зала отгорожена только раздаточным столом. Холодильники на ладан дышат, продукты летом хранить тяжело.

А у китайцев отдельная столовая?

- Да, большая, красивая. У меня есть видеозапись, по ней можно сравнить, как в нашей столовой и как у них.

Люди третьего сорта

Как Вы думаете, почему такое отношение к казахстанским работникам? Сами китайские работодатели как-то разумно это объясняют?

- Да никак они не объясняют. Просто мы для них люди третьего сорта. У нас назревает то же самое, что и на Тенгизе. У них тоже не за один день все это накопилось, было понятно, что рано или поздно это произойдет. Случай в столовой стал лишь поводом, спичкой.

Чтобы избежать такой ситуации на вашем предприятии, что нужно сделать?

- Нужно поменять отношение к местным специалистам и требования к ввозу иностранной рабочей силы.

Сократить ввоз?

- Нет. Но приглашать нужно из Китая тех специалистов, которые действительно здесь необходимы, тех, кого не может предоставить Казахстан. Например, инженеров и слесарей по ремонту контрольно-измерительных приборов и автоматики у нас действительно почти нет. Но стропальщики, монтажники, автокрановщики, сварщики есть.

А китайцы сами по себе, по собственной воле изменят свое отношение?

- Нет, конечно. Для них это бизнес. Но у нас есть законы, которые нас защищают. А разты пришел зарабатывать, будь добр – исполняй законы. А нарушителей у нас своих хватает.

То есть без суда вы не смогли обойтись?

- Мы и без профсоюза не смогли обойтись, поэтому в 2005 году пришлось его создать, чтобы вместе защищать свои права. Когда видишь такую ситуацию, то понимаешь: надо что-то делать.

А какую – такую? Расскажите, что происходит.

- Иностранные и местные специалисты работали и до сих пор работают в неравных условиях. Вот, например, жилье. Китайские рабочие живут в общежитиях, где есть все условия: и кондиционеры, и вода, и душ, и туалет. Наши живут в сборных общежитиях, сейчас еще сделали общежития из контейнеров, где по определению не может быть никаких удобств. Иностранные специалисты получают бесплатное трехразовое питание, местные специалисты едят за свой счет.

Но мы на работе тоже за свои деньги питаемся и спокойно к этому относимся…

- Но у вас весь коллектив питается за свой счет, а у нас только часть, это же дискриминация. А в Конституции, в Законе «О труде», в международных договорах написано, что за одинаковый труд должны платить одинаково. Мы не требуем, чтобы нам повысили зарплату до 1200 долларов, как получают китайские специалисты, мы не требуем, чтобы им сделали зарплату как у местных специалистов – 13 тысяч. Но мы требуем справедливости хотя бы в вопросе бесплатного питания.

И чтобы не было пренебрежительного отношения к нам. Иностранец пьет, например, очищенную воду, а нашим говорят: «Вон есть водопровод». А на месторождении какой может быть водопровод, какая вода, вы, наверное, представляете. Раз пришли инвесторы, пусть работают, но при этом соблюдают законы и уважают наших работников. Мы же их хозяевами сюда пустили, а партнерами.

А откуда Вы знаете, что они бесплатно питаются?

- В договоре у них написано.

Как Вам удалось договор их посмотреть?

- Он есть в управлении труда.

То есть это открытый документ? С ним могут все ознакомиться?

- Насчет всех не знаю, но у нас есть копия договора.

Один в поле не воин

Какие все-таки события подтолкнули рабочих к созданию профсоюза?

- Как такового повода не было. Постепенно, потихоньку все накапливалось. В 2004 году мы закончили строить газопереабатывающий завод, и начались сокращения, увольнения… Рабочих-то много, а подрядов нет. Тогда еще действовал другой Закон «О труде», можно было каждые три месяца заключать индивидуальный договор, а не как сейчас – на год. Кроме того, мы уже с китайцами-рабочими пообщались, узнали об их зарплате, своими глазами увидели, в каких условиях они живут, увидели, как китайцы относятся к своим.

Хорошо относятся?

- Если иностранец получил травму, его быстренько в машину и везут в платную, самую хорошую больницу. А если наш получает травму, он может лежать часами без медицинской помощи. Этой весной упал экскаваторщик, ударился головой, потерял сознание, а очнулся уже в общежитии. Решил встать и пойти за помощью, встал, опять упал, разбил лоб. ЧП произошло в 9 утра, и экскаваторщик пролежал в общежитии до 4-х часов дня. Потом его кто-то отвел в санчасть, там ему зашили рану, отвезли в районную больницу. Но никто не захотел ему оплачивать лечение и больничный, написали, что он якобы был пьяным и поэтому упал. То есть пытались представить все не как производственную травму. Только когда он написал мне письмо, а я его передал директору, пострадавшему оплатили лечение.

Был еще такой случай. Монтажник упал с лесов, повредил ключицу, его осмотрели в санчасти предприятия, сказали, что ничего нет, и попросили, чтобы ничего никому не говорил, что ему восьмерки проставят. Акт о несчастном случае не составили, расследование не провели. Хотя должна созываться постоянно действующая комиссия, чтобы определить степень вины работника и работодателя. Также в ней должен принимать участие представитель работника.

Работодатели обязаны докладывать обо всех происшествиях в управление труда. Но они это скрывают, никому ничего не говорят. Я написал директору предприятия, в управление труда о том, что такие случаи имели место. Пока реакции никакой.

Почему же рабочие не пишут жалобы и соглашаются с тем, чтобы им не оплачивали больничные?

- Большинство – из-за незнания законов. Да и боязнь потерять работу играет свою роль.

В Актобе действительно тяжело найти работу?

- Я бы не сказал, что тяжело. Просто китайцы внушают такую мысль: мол, за забором много людей. Поэтому рабочие и начинают держаться за работу.

Очень часто работодатели создают «карманные» профсоюзные организации, чтобы блокировать деятельность независимых профсоюзов. У вас есть такие «конкуренты»?

- Нет, наши пока не успели ничего создать.

Во время Вашей профсоюзной деятельности на Вас лично и на тех, кто состоит в Вашей организации, оказывали давление?

- На меня лично нет, а на членов профсоюза – да. Давили на тех, кто жаловался в профсоюз. Практически всех их уволили.

И Вы не смогли их отстоять?

- Понимаете, прямых же текстом не говорится, что именно из-за жалоб в профсоюз увольняют. Существует много методов заставить человека уйти «по собственному желанию». Возьмем, к примеру, водителей, которые работают на месторождении. Их периодически отправляют в Актобе в командировки, и для них это дополнительный доход. Того, кто жалуется, не отправляют в командировки. Соответственно, у лояльного – зарплата в конце месяца плюс командировочные. А у нелояльного – одна зарплата. Хоть и мелочь, а кровь портит.

И претензии не предъявишь: «Почему этого отправляешь, а этого нет?» Тут хозяин – барин. Кроме того, когда устраиваешься в другую компанию, там требуют рекомендательное письмо с предыдущего места работы. Вот поэтому, чтобы не нарываться на скандал, и пишут «по собственному желанию». Замкнутый круг.

После того как жалобщиков стали увольнять, был ли отток из профсоюза?

- Нет, не было. Вообще за все время работы из профсоюза вышел только 1 человек (всего нас 250 человек), и то это руководящий инженер по заработной плате, у нее была, так скажем, идеологическая несовместимость с нами.

Если не они, то кто?

Как Вы оцениваете перспективы своего иска?

- Наше дело правое. Без энтузиазма я не могу относиться к этому. Было всего лишь одно заседание – 24 октября, следующее перенесли на 8 ноября. Судья уже один раз поменялся во время изучения дела. Уже ответчики подали встречное заявление о признании сделки – заключения коллективного договора – недействительной.

Вот что они пишут: «Ответчик (то есть наш профсоюз) предъявил истцу требования об устранении нарушений прав и свобод казахстанских рабочих. Это требование профсоюзная организация мотивировала тем, что ТОО не исполняет обязательства, вытекающие из коллективного договора. Однако согласно этому коллективному договору его стороной является не товарищество как юридическое лицо, а его Актюбинский филиал, не являющийся юридическим лицом. А потому в соответствии со статьей 271 ГК РК этот договор не возлагает на товарищество никаких обязательств».

Продолжение на стр. 6

ВМЕСТО НЕКРОЛОГА

Мы все будем нести наследие Нурбулата

Неожиданный и трагический уход Нурбулата – это непереносимая потеря для всех тех, кто имел счастье знать его. Я не встретила никого в Казахстане, кто бы совмещал в себе такое чувство внутренней целостности, интеллектуальной глубины, моральной смелости, оптимизма, теплоты, юмора и жизнерадостного вкуса к жизни, а кроме того, обладал бы таким спонтанным желанием помочь и ответить любому, кто интересовался всем, что касается Казахстана.

Бавна ДАВЕ, Школа исследований Востока и Африки (SOAS), Университет Лондона

Впервые я встретила его в начале апреля 1992 года. Все, с кем мне довелось познакомиться в Москве и Санкт-Петербурге летом 1991 года, упоминали Нурбулата (так случилось, что он в это время был в Алматы). Затем уже Нурбулат был в Москве, когда я приехала в Казахстан в начале марта 1992 года.

В первые две недели после приезда я встретилась с несколькими очень «советскими» академиками и экспертами, которые говорили, что у них есть «факты», которые мне нужны для моего исследования, и, что они готовы поделиться своими сведениями и выводами со мной, но, конечно же, за… определенную плату. Один из «прославленных» академиков даже спросил меня напрямую, какой подарок я привезла с собой, остальные также делали прозрачные намеки подобного рода.

Но в один прекрасный день, когда мне удалось связаться с Нурбулатом, все сразу стало на свои места. Хотя он только вернулся из Москвы после защиты своей докторской диссертации и вел в то время в какой-то степени кочевой образ жизни, занимаясь поисками квартиры, Нурбулат тут же откликнулся на мою просьбу помочь установить контакты по моей работе. Впервые мы встретились около книжного магазина «Академкнига» на улице Фурманова, так как он не имел своего кабинета в Казахском государственном университете, где читал лекции. Потом в течение первых нескольких недель мы проводили время, гуляя по паркам Алматы и обсуждая самые различные темы, начиная от того, как Казахстан сможет выжить без России, и заканчивая тем, как мне получить читательские билеты в разные библиотеки или найти факс.

Когда я упомянула имена некоторых из «прославленных» академиков, которые предлагали помочь мне на определенных условиях, Нурбулат засмеялся и сказал: «Все известно и все понятно!». Мне не надо было объяснять ничего более. Он пообещал представить меня исследователям, которые бы не выпрашивали подарки или сувениры, а, напротив, были бы заинтересованы в том, чтобы поговорить со мной. Он занял сразу роль наставника, при этом никогда не выказывая какой либо иерархии и ничем не демонстрируя свой статус.

Все 90-е годы в поиске телефонных номеров интересных мне людей, в попытках связаться с ними и в планировании встреч напоминали мне попытку достать продукты в истощенных советских магазинах для того, чтобы приготовить какое-нибудь приличное блюдо. Было много мелкого эгоизма, который нужно было подкармливать, неуместных просьб, которые надо было выполнить, а также пустых советов, которые нужно было принимать с осторожностью, соотнося с тем, в какой конкретно области компетентен тот или иной человек. Был ли это раздражительный секретарь какого-нибудь «важного» деятеля, простой служащий или высокопоставленный чиновник, академик или общественный деятель, всех их переполняло чувство собственной значимости и собственного положения, а вместе с этим самодовольство и желание продемонстрировать это молодым иностранным исследователям (особенно если это женщина).

В этом «новом-старом» постсоветском мире, где все определялось статусом, у Нурбулата не было ни секретаря, ни офиса, ни визиток, никаких других знаков, призванных продемонстрировать его статус. У него был только номер телефона, по которому любой мог позвонить в любое время и услышать его самого или оставить сообщение одному из членов его семьи, получив их теплые заверения в том, что ему передадут сообщение и он обязательно на него ответит. Поэтому нет ничего удивительного в том, что для всех нас он был именно тем человеком, к которому нужно идти. Он не обладал официальным статусом или влиянием, но зато обладал блестящим умом, оригинальным мышлением, теплым сердцем и неунывающим характером, чтобы радушно принять нас и направить в наших различных исследовательских проектах.

В те дни Нурбулат не пользовался общественным транспортом («слишком забито», говорил он). Естественно, что у него не было своей машины и он не стал бы ловить такси, он даже не пошел бы в кафе, поэтому мы встречались в парках и гуляли по городу, разговаривая. Позже один наш общий друг сказал мне, что просто в то время у Нурбулата не было денег и он еще не успел обосноваться в Алматы. Мы заходили в книжные магазины, чтобы согреться. Моя любовь к прогулкам и удобная обувь очень помогли мне в то время, и вот именно такие простые вещи смогли установить близкие отношения между нами.

С тех пор для всех нас уже было невозможно приехать в Алматы, чтобы заниматься каким-нибудь исследованием, и не встретиться Нурбулатом, не воспользоваться возможностью насладиться теплотой и гостеприимством, которое всегда оказывали нам Нурбулат и Лаура. Я знала, что могу приехать в Казахстан без записной книжки, так как Нурбулат дал бы мне координаты всех, кто был бы мне нужен. Единственная вещь, которую Нурбулат не мог для меня сделать (так же, как для всех нас) – это послать приглашение на получение визы лично от себя, так как говорил, что «мое приглашение будет гарантированным способом не получить визу!». Но он всегда находил способ помочь нам с приглашениями, заботясь, чтобы его имя не упоминалось в официальных документах.

Я доверяла его советам в том, с кем мне следует встретиться. При этом, давая рекомендации, он всегда добавлял, стоит ли мне называть его имя или же это может оттолкнуть человека («не надо махать красной тряпкой перед быком», предупреждал он меня несколько раз в начале 90-х), так как он убеждал меня встречаться и с теми, кто окрестил его «манкуртом», «космополитом», «антипатриотом» и т.д. Несколько раз, когда я нетактично упоминала его имя кому-то из его недоброжелателей, их реакция была даже еще более злобной и неприязненной.

Нурбулат в свою очередь внимательно выслушивал мои рассказы о встречах с теми людьми, кто относился к нему с открытой неприязнью, и хотя он никогда не скрывал своего отношения и не отказывал себе в том, чтобы высказать какое-нибудь критическое замечание («вот маргинальное мышление, вот национализм»), его замечания всегда были довольно остроумные и четкие, но никогда не были злыми.

Мы спорили и обсуждали с ним самые разные темы: роль казахского языка, пересечения кочевнического менталитета с советским правлением и постсоветским периодом перехода, клановую политику, политическую и экономическую ориентацию Казахстана, проблемы, связанные с ростом нефтяного благополучия в Казахстане, вопросы создания эффективной оппозиции, как подтолкнуть режим двигаться в сторону реальной демократии и т.д.

Зачастую у нас были различные точки зрения в отношении многих из этих вопросов, например, в отношении того, как могут быть созданы демократические институты в Казахстане и какова роль международных сил, политика Буша и оправдание войны в Ираке, и даже по таким второстепенным вопросам, как что лучше – футбол или крикет.

Продолжение на стр. 6

В ТЕМУ

Нефтяное рабство,

или Почему актюбинские чиновники игнорируют случаи травматизма на Жанажоле

АКТОБЕ – Случаи производственного травматизма на месторождениях – явление обычное. Правда, борются с ними в разных компаниях поразному. Китайские инвесторы делают это своеобразно: они их просто не регистрируют. По словам рабочих, только за прошлый месяц профкому стали известны три несчастных случая в ТОО «ДО КНИСГ», которые генеральный директор этого предприятия пытается скрыть.

Ольга ПЕТРОВА

Профсоюзный комитет нефтяников обратился к китайскому начальству с официальным письмом: «Профком… просит Вас объяснить причину нерасследования фактов несчастных случаев и незаполнения формы Н-1 в отношении Какилова Асета, которому по ноге проехал трактор, Есенгарина Ербола, которому в глаза попала металлическая стружка, Дуйсенгалиева Нуржана, который упал со строительных лесов и повредил плечо».

Но законное требование руководства профкома провести расследование по каждому несчастному случаю китайское руководство игнорирует.

Интересно, что подобным же образом ведет себя и директор департамента Министерства труда по Актюбинской области г-н ИЛЮБАЕВ. К этому чиновнику профсоюзный комитет нефтяников также обращался: «…зафиксированы факты несчастных случаев на производстве при строительстве резервуара в поселке Сарколь, на которые не были заполнены акты несчастного случая… Мы просим расследования происшествий».

На данный официальный запрос, полученный им еще 19 октября, чиновник до сегодняшнего дня не ответил. Вероятно потому, что не хочет беспокоить по пустякам китайских инвесторов? Рабочие выжили, а дальше – все само рассосется.

Дело в том, что и пострадавшие, и свидетели несчастных случаев подтверждают, что производственные травмы получены именно из-за неадекватности китайских специалистов. Из объяснительной записки рабочего С. Утебалиева в профсоюзный комитет следует: «Трактор остановился, мы начали разгружать трубы. И вдруг тракторист-китаец без предупреждения тронулся с места, и колесо прицепа трактора придавило ногу рабочего Какилова».

Казахстанского рабочего отвезли в ближайшую больницу, но китайцы настоятельно ему рекомендовали не открывать больничный лист. Рабочий требовал вызвать инспектора по технике безопасности, но и это было проигнорировано. То есть было сделано все возможное, чтобы факт несчастного случая не был документально подтвержден.

Между прочим, злые языки утверждают, что китайские инвесторы создали для актюбинских чиновников и представителей правоохранительных органов специальные фонды, куда на вполне законных основаниях перечисляют немалые денежные средства: вроде как безвозмездно помогают нашей экономике. Говорят также, что на средства именно этих фондов приобретаются и джипы для прокуроров, и обстановка для чиновничьих кабинетов.

«Да не оскудеет рука дающего», а уж «слуги народа» сделают все возможное и невозможное для инвесторов из Поднебесной. Правда, наш народ при этом теряет здоровье. Но народа, как и нефти, много… □

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

На Тенгизе – турки, в Актобе – китайцы

Продолжение. Начало на стр.5

Хотя у нас договор заключен между работодателем и рабочими. А кто работодатель? Актюбинский филиал этой компании. Они и на работу принимают, и увольняют, и зарплату платят. Понятно, что это они ищут лазейки. Даст бог, будет все нормально, будем участвовать, добиваться своего. Если не мы, то кто?

Ну есть же у нас Министерства и соцзащиты, департаменты труда, инспекторы…

- Да, в их функции входит контроль над соблюдением коллективных договоров.

Они выполняют свои функции?

- Ну как… как видите… Мягко говоря, ненадлежащим образом.

Вы пытались на них выходить, спрашивали, в чем дело?

- Выходили, разговаривали. Есть среди них хорошие люди, хотя сделать они ничего не могут. Говорят, есть команда «сверху» делать так, а не иначе.

Как Вы думаете, ситуация на Тенгизе, в Шахтинске заставит государственные органы повернуться лицом к своим гражданам?

- Думаю, да. Потому что эти события вызвали большой резонанс, и если государство и дальше будет играть в такие игры, может разгореться большой пожар. Ведь это же не только у нас, на Тенгизе, это же по всей стране. Поэтому независимые профсоюзы всей страны должны быть солидарны. Только солидарность нам поможет улучшить жизнь. Почему в Европе хорошо живут? Потому что есть гражданская активность и работа профсоюзов. Попробуй наших заставить два месяца на площади бастовать – никто не выйдет. Это возможно или когда в угол уже людей загонят, и они от отчаяния выйдут, или когда люди очень хорошо живут и выйдут бороться за то хорошее, к чему уже успели привыкнуть.

Правда, что никто до Вас не подавал на иностранных работодателей в суд?

- Ну в нашей области по крайней мере этого не было. В суде даже произошел такой анекдотичный случай: когда я подавал иск, там удивились и начали спрашивать: «А профсоюз это физическое или юридическое лицо? К общественным организациям вы относитесь?». В общем, забыли уже люди, что это такое. Кто застал советскую власть, тот еще помнит профсоюзы, да и то как организацию, которая путевки дает, квартиры. А сейчас независимый профсоюз может лишь защищать права.

Алматы – Актобе – Алматы

ЖУРНАЛИСТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

«Просто в точку попали!..»

Сельские учителя устали молчать о том, что творится в системе образования

Опубликованное в прошлом номере газеты письмо от учителей одной из школ Илийского района Алматинской области, которые подвергаются давлению со стороны районного руководства и вынуждены постоянно сдавать деньги неизвестно куда и для чего, нашло широкий отклик у наших читателей. Мы, как и обещали, провели расследование и вот что узнали.

Оксана МАКУШИНА

Напомним суть дела, о котором мы узнали из рассказа приезжавших в редакцию учителей. Долгое время они, учителя СШ №3 с. Жетыген Илийского района, подвергались прессингу со стороны начальника Илийского ГУОО (районо) Жолтаевой Б.Б., а когда их терпение все-таки иссякло, написали письмо на имя министра образования. Министерство отреагировало на письмо и отправило в район специальную комиссию, которая должна была разобраться в ситуации. И с 31 августа по 5 сентября текущего года эта комиссия в районе действительно работала, изучала деятельность районного отдела образования и проверяла изложенные в письме факты.

Как стало понятно в ходе проверок, факты, изложенные в письме, подтвердились. И в школу по итогам работы комиссии было направлено письмо, в котором сообщалось, что Министерство образования направило официальное письмо в акимат области с выводами комиссии, чтобы там разобрались и приняли меры.

Однако, по словам учителей, со стороны облакимата реакции не последовало, давление как оказывалось на учителей и директора школа, так и продолжается. И чтобы убедиться в этом, достаточно, мол, просто позвонить в школу, что мы и сделали.

Звонок в школу

В школе нам сообщили (ФИО говорившего с нами учителя мы не называем, чтобы не усугублять ситуацию) следующее:

- Да, после того, как комиссия отработала, к сожалению, ситуация не улучшилась. Даже можно сказать, что мы со стороны Жолтаевой стали подвергаться еще большему прессингу. За сентябрь месяц мы пережили 12 комиссий! Это уже не только директор попадает под удар, а абсолютно весь коллектив. Нас постоянно трясут, мешают нормально работать. А Жолтаева как возглавляла районо, так и возглавляет. А наш директор на больничном, они ее довели до такого состояния, что она слегла.

У вас весь коллектив на стороне директора?

- Да, мы поэтому и написали в августе письмо в министерство. Нас задело хамское поведение заведующей, и мы заступились за директора, так как считаем, что она у нас не заслуживает такого отношения. Это уважаемый на селе человек, 18 лет возглавляла нашу школу. Кстати, она была одной из немногих, кто на эту должность попал демократическим путем – ее избирал коллектив. Из избранных в то время директоров она единственная, кто до сих пор работает. И вот теперь происходит что-то непонятное… Может, кому-то место директора нужно?

Но почему нельзя даже при таком раскладе поступить по-человечески, вызвать поговорить… А то дождались, пока она ремонт в школе сделает, а ведь это такой громадный труд, столько нервов потрачено! А теперь так грубо ее собираются убрать.

Получается, акимат области выводы комиссии министерства проигнорировал?

- Поведения своего заведующая в целом не изменила. И есть большие опасения, что директора все-таки снимут. Она уже на пенсии, и, оказывается, они с ней договор не заключили, но это же не ее ошибка, а районного отдела образования, это их безграмотность и некомпетентность проявилась. Мы уже отчасти смирились, что директора снимут, но считаем, что это все незаконно. Мы устали, мы разочарованы, мы уже ни во что не верим: ни в справедливость, ни в демократию, потому что Жолтаеву активно поддерживают в районном акимате. На каком основании, не понятно. А у нее от безнаказанности крылья выросли. У нас уже сложилось впечатление, что все везде куплено у нас в области. А что мы должны думать?

Нетрудно представить, как могут искалечить детские души нечистоплотные чиновники от образования.

Когда человек не на своем месте

Несмотря на то что директор школы Каниза ИСАЕВА была на больничном, нам удалось переговорить и с ней.

Каниза Абдразаковна, а Вы, со своей стороны, в чем видите причины такого странного поведения районного начальства?

- Я думаю, человек не на своем месте. Причем профессионально безграмотен, наверное, поэтому так себя и ведет. Мне кажется, что это основная причина. Самонадеянность продиктована безнаказанностью, а еще почувствовала поддержку со стороны акимата, так и вообще в раж вошла.

Но были же направлены рекомендации в адрес акимата со стороны комиссии Минобразования, почему нет никакой реакции?

- Я не знаю, было или не было действительно направлено что-то в адрес акимата, во всяком случае, по результатам не видно. Наоборот, только гонения устроили в мой адрес, в адрес коллектива. Мы – в опале!

Каким образом?

- Например, я была на больничном, так даже мой больничный контролировали! Это же вообще ни в какие рамки не вписывается, помимо моего лечащего врача приглашали еще дополнительно врача, чтобы удостовериться, а действительно ли я болею или, может, симулирую. Это очень обидно, я же много лет проработала, тем более я в этом селе живу. Мне тут и дальше жить, поэтому хотелось бы, чтобы все было достойно. Я уже собираюсь на пенсию уходить, хотела доработать этот год, довести все свои планы до конца, и на пенсию… А тут все это началось.

Надо полагать, очередь из преподавателей в школу не стоит?

- Да, у нас не хватает кадров. Да и кто пойдет в школу, когда такая ситуация? Захотят наверху, любого обольют грязью, всегда найдут что сказать, ничем не гнушаются.

Проблема одна на всех

К сожалению, до районного и областного акиматов нам не удалось дозвониться, как, впрочем, и до районного отдела образования. Но в подтверждение того, что учителя не преувеличивают и ситуация в сельских школах – причем не только в этой – плачевная, подтвердили звонки учителей.

Вот только два из них.

Первый:

- Я знаю очень хорошо эту Жолтаеву. Она посторонний человек в системе образования. Она не имеет никакого морального права занимать сегодняшнюю свою должность! Поэтому и страдают наши учителя. Если у вас получится, проведите свое расследование, чтобы всем стало ясно, что это за человек, который портит жизнь учителям. У меня лично сердце кровью обливается, когда такие люди сидят на должности и занимаются самодурством. Вы правильно сделали, что опубликовали письмо учителей! Просто в точку попали!

Второй:

- Вас беспокоят из Каскелена. Мы прочитали в прошлом номере заметку «На чьей стороне победа?». Мы все ее обсуждаем, у нас немногим отличается ситуация в районе. В каскеленской вспомогательной школе-интернате тоже с учителей деньги вымогают. Недавно собирали по 500 тенге с учителей и по 250 тенге с техничек. Директор сказала, что деньги нужны высокопоставленной чиновнице облдепартамента по образованию, она матери хочет памятник поставить. До такого абсурда доходит! Вы можете приехать к нам и сами убедиться в этом. Вообще, таких случаев много, но мы считаем, что рыба гниет с головы, с области идет все. Они поддерживают таких вот чиновников, а те и творят что хотят.

ОТ РЕДАКЦИИ – Удивительно, но факт. На нашу публикацию откликнулись в Министерстве образования и даже пообещали дать свое видение ситуации. Мы обратились с официальным запросом на имя министра образования, обещанный ответ обязательно опубликуем на следующей неделе.

НУ И НУ!

И швец, и жнец, и министрам отец

Как Даниал Ахметов стал членом Академии… художеств

Вчера пресс-служба премьер-министра распространила отличную новость – о том, что Даниал Кенжетаевич был награжден золотой медалью и удостоен звания действительного члена Академии художеств Республики Казахстан.

Денис ДАШКОВ

Награждение состоялось во время встречи премьер-министра с группой казахстанских художников во главе с президентом Академии художеств РК Лаурой УРАЗБЕКОВОЙ.

«В ходе встречи, – говорится в сообщении, – руководство Академии выступило с предложением по организации в стране специальных этно- и экокультурных зон и большого выставочного зала в Астане. Поддержав в целом идеи художников, премьер-министр поручил акиму Астаны Аскару МАМИНУ детально обсудить предлагаемые проекты и по возможности оказать содействие в их реализации».

Мы предлагаем взять эту инициативу на вооружение – причем не только творческим союзам, но и различным вузам, НПО или, к примеру, партиям. Если, допустим, Государственному театру оперы и балета нужно решить на уровне правительства какой-нибудь вопрос, то можно пойти проторенным путем, наградив министра культуры золотыми пуантами и присвоив ему звание заслуженного Карузо всех времен и народов.

Или, скажем, возникнут какие-то идеи у Союза стоматологов. Отольют золотой зуб, примут ответработника, без которого не решаются их вопрос, в Общество почетных протезистов – и ноу проблем-с!

Самое главное, чтобы эти важные персоны не вздумали рисовать, танцевать или лечить кому-то зубы. Их ведь не для того награждают, не правда ли?

ВМЕСТО НЕКРОЛОГА

Мы все будем нести наследие Нурбулата

Продолжение. Начало на стр. 5

Нурбулат всегда занимал определенную позицию, никогда не метался между различными мнениями, никогда не давал двузначных ответов. Он всегда был уверен в своих убеждениях и взглядах и без устали защищал их. Чем больше ты споришь с ним и не соглашаешься, тем более интересен ему этот обмен мнениями и тем более уважает он своего оппонента. Кричащей слабостью ключевых фигур казахских официальных политических кругов был страх, недостаток мужества для того, чтобы отстаивать свое мнение и слышать другие.

Нурбулат обладал страстью к спорту, но, кроме того, и сам его дух и отношение к жизни были спортивными. Я не разделяла его страсти к хоккею или футболу, а он постоянно подшучивал над моей преданностью к такой «старомодной» игре, как крикет. При этом его самого отличал дух этой благородной колониальной игры, состоящий в приверженности правилам достойного состязания, справедливой игре, установленным рамкам и, сверх всего этого, в наличии непредвзятого судьи, демонстрирующего уважение и признательность ко всем игрокам, участвующим в игре. Он хотел реального соревнования, а не показной игры или односторонней победы. А если говорить о заранее выигранной или «заказной» игре – это Нурбулат предавал безоговорочной анафеме.

Он видел Казахстан открытым, демократическим и по-настоящему мультиэтническим обществом. Мы могли оспаривать его понимание демократии (как, например, часто спорили о его симпатиях к Бушу), но если демократия – это прежде всего признание разных взглядов и представление права голоса даже тем, кто нам не нравится или с кем мы не согласны, а также вынесение на обсуждение своих собственных мнений и убеждений, то Нурбулат был безусловным сторонником этих идей.

Ложь, непрозрачность, манипуляции правилами и фальсификация результатов не осветляли его равнодушным, это вызывало в нем злость и неприятие. При этом он, будучи подлинным демократом, не отказывался от дебатов и с удовольствием спорил с теми официальными людьми, кто, по крайней мере, демонстрировал готовность принять этот вызов.

Он больше спорил со своими друзьями, политическими и идеологическими партнерами, чем со своими оппонентами, с тем лишь разницей, что друзья слушали его, а затем с такой же горячностью отвечали ему, доходя до крика, но они все уважали и любили его. Его оппонентам, представляющим существующий режим, не хватало разума, моральной силы и даже стратегического и тактического мышления для того, чтобы вступать с ним в дебаты. Их пугала его убежденность и раздражала его способность разговаривать напрямую, заставляющая их чувствовать себя неловко.

У Нурбулата был сильный характер, глубокое чувство самоуважения и еще одно замечательное преимущество – юмор, который позволял отклонять от себя любую критику и домыслы, а также не давал приклеиться к нему никаким негативным ярлыкам или отрицательно повлиять на его восприятие себя самого и своих недоброжелателей. И этому всему способствовала его прекрасная любящая семья, удивительный партнер и родная душа Лаура, которая была источником энергии, силы и счастья в его жизни. Все то, чем мы обязаны Нурбулату, мы в равной мере обязаны Лауре. Она, Маджер и все члены его семьи будут всегда пользоваться поддержкой и непрекращающейся признательностью с нашей стороны.

Для всех нас, кто не был в Казахстане, когда произошла эта трагедия, и тех, кто не смог приехать на похороны, боль того, что случилось, откроется в наши следующие приезды. Как кто-то сказал на похоронной церемонии, история суверенного Казахстана теперь может быть разделена на два периода – при Нурбулате и после него. Хотя Нурбулат продолжает жить, поскольку его присутствие чувствуется во всем. Теперь это наш долг, долг западных исследователей и нового поколения исследователей в Казахстане и Центральной Азии развить идеи и теории Нурбулата, чтобы протестировать их в будущем и переопределить в новом меняющемся контексте. Мы все будем нести наследие Нурбулата.

ГЛАС НАРОДА

«Нет, меня не устраивают нынешние тарифы!..»

Группа молодых социологов провела опрос среди алматинцев на предмет их отношения к тарифам за коммунальные услуги

Актуальность исследования обусловлена проблемами жилищно-коммунального хозяйства в целом, а также повышением тарифов на фоне параллельного ухудшения качества этих услуг.

Так, более одной четвертой опрашиваемых плательщиков (25,55%) считают, что качество предоставляемых коммунальных услуг несоизмеримо с установленными тарифами. И это отнюдь не безосновательно. Если десять лет назад все ответственные чины ломали голову над дефицитом бюджета и проблемами в коммунальной сфере, то сейчас казна наполнилась деньгами, а жилищно-коммунальные проблемы все более ощутимы как плательщиками, так и поставщиками услуг. От плохой работы жилищных служб страдают все, вне зависимости от уровня жизни, социального статуса или политической ориентации.

Кроме того, завышенные тарифы позволяют закрывать глаза на злостных неплательщиков. По результатам опроса только в Алматы их 8,8% – это те респонденты, которые «не могут оплачивать коммунальные платежи» по существующим тарифам.

Как мы знаем, повышение тарифов – не разовая акция, оно происходит постоянно, поэтому 20,64% высказали мнение, что «хотелось бы, чтобы не повышали тарифы так часто». При этом хочется добавить, что повышение тарифов не сопровождается повышением уровня заработной платы, а следовательно, жизнь граждан Республики дорожает с каждым днем.

Категоричными были 17,94% респондентов, их вариант ответа – «нет, меня не устраивают нынешние тарифы» – говорит о существующем протесте против необоснованных тарифов на коммунальные услуги.

Отметим также, что 14,38% готовы платить за качественные услуги «… лишь бы было тепло в доме», а 12,69% респондентов полностью довольны нынешними тарифами.

…Анкетирование респондентов проводилось по специально разработанной методике и отображает настроение всех возрастных групп. Всего было опрошено 600 респондентов.

Опрос проведен при поддержке центра актуальных исследований «Альтернатива»

МНЕНИЯ В ТЕМУ

Что платим, что не платим!..

Интервьюеры опроса имеют свою точку зрения на проблемы ЖКХ в Казахстане. Вот что они сказали:

Данияр СУНДЕТБАЕВ: «…Старшее поколение не может оплачивать нынешние тарифы, а молодежь не способна оценить эту финансовую нагрузку… Я смотрю на своих родителей и думаю: мы живем в стране, обеспеченной сырьем, при этом сами потребляем его по очень высокой цене. Я считаю, что за счет малочисленности населения республики можно распределить ресурсы так, чтобы они обходились населению в копейку…»

Ирина МЕДНИКОВА: «…Мы платим процент на содержание местного КСК, но при дополнительных поломках вынуждены доплачивать – одна поломка может обходиться порядка 1000-1500 долларов…»

Адина КАЛЫМ: «…Цены намного завышены и не соответствуют качеству предоставляемых услуг… Горячая вода – это иногда не горячая вода, что заставляет задуматься над тем, стоит ли обращаться к этому поставщику услуг или лучше сменить его…»

Раушан КАШКОМБАЕВА: «Проблема ЖКХ очень актуальна. Существующие тарифы недоступны для среднестатистического казахстанца. Проблема, наверное, в том, что наши госучреждения не имеют рычагов влияния на владельцев жилищно-коммунальных служб, поскольку многие из них выкуплены иностранными компаниями. Актуальными в этом контексте можно назвать проблемы КСК и кондоминиумов. Ежемесячно происходит сбор средств на содержание дома и текущий ремонт. Проблема в том, что раз заплатив обязательный взнос, жильцы, столкнувшись с поломкой, снова вынуждены платить, т.е. вторично. Обращаемся в КСК с вопросом – куда уходят 350 тенге в месяц, почему мы вынуждены за свои деньги убирать подъезды, делать ремонты, ставить двери, чинить крыши? Они отвечают: «Эти деньги используются на содержание КСК». Тогда зачем нужно КСК?!»

Александрина ПРИБЫЛОВА: «Я готова платить за качественные услуги и в полтора, и в два раза больше, чем сейчас. Но на данный момент о качестве говорить не приходится – перебои со светом, водой и прочее… Проблема, видимо, в том, что деньги, которые мы платим, например, за отопление, реализуются не так, как нужно, они идут не на ремонт теплосетей и всего прочего, а куда-то распыляются. И в итоге мы остаемся в отопительный период без отопления и без горячей воды… »

Как вы считаете, справедливы ли те тарифы, по которым вы платите за коммунальные услуги?

БЛАГОДАРНОСТЬ – ВСЕМ!

ГЛУБОКУЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ друзьям, родственникам, соратникам, коллегам, лидерам и активистам партий и общественных движений, государственным деятелям, журналистам, руководителям и сотрудникам дипломатических миссий, всем простым гражданам, в чьих сердцах отозвалась боль невосполнимой утраты в связи со скоропостижной смертью нашего дорогого и любимого мужа, отца и дедушки, и тем, кто поддержал нас в эти скорбные дни,

просит выразить через газету семья Н.Э. МАСАНОВА